

Город Сосновой Хвои, расположенный на юге владения Снежной Сосны, изначально представлял собой лишь скромный аванпост с гарнизоном всего в полсотни душ. Однако выгодное географическое положение предопределило его судьбу: после череды масштабных расширений он превратился в один из ключевых оплотов этих земель. Окруженный неприступными каменными стенами, город жил кипучей жизнью — в нем квартировал постоянный гарнизон, без умолку гудели торговые лавки, а в эпоху наивысшего расцвета число его жителей достигало двух тысяч человек.

За последнее столетие владение Снежной Сосны неотвратимо клонилось к упадку, стремительно теряя своих людей. Двадцать лет назад в Сосновой Хвое закрылась последняя лавка, и немногие оставшиеся горожане, погрузив нехитрый скарб на телеги, навсегда покинули родные очаги. Некогда шумные улочки опустели, и хотя сами здания еще стояли крепкими, на них уже легла неминуемая печать тлена.

Хуже того, последовавшие вскоре междоусобицы и смута нанесли родовой знати Снежной Сосны сокрушительный удар. Те из членов семьи, кто уцелел в горниле войны, гибли один за другим при весьма загадочных обстоятельствах. В конце концов от древнего и славного рода остался лишь единственный наследник — младенец, тихо пищавший в колыбели. Никто вокруг не верил, что владение сумеет подняться из руин; казалось, некогда великая династия обречена на угасание и скорое забвение.

Крестьяне, окончательно потеряв надежду, не желали оставаться на выжженной земле, пусть даже здесь когда-то жили и трудились многие поколения их предков. Город Сосновой Хвои превратился в безмолвный призрак.

Подобное запустение расползлось по всему владению Снежной Сосны, точно проказа. Королевский двор хранил ледяное молчание, пока великие аристократы упоенно делили между собой лакомые куски — плодородные земли, богатые рудники и уцелевшее население. Мелкое же дворянство, лишенное сил и влияния, чтобы урвать долю от этого пирога, попросту злорадствовало со стороны. Некогда могущественный род Снежной Сосны пал так низко, что теперь его рвут на части все кому не лень! Какая польза от вековой верности короне, какой толк в кровном родстве с монархом? Разве королевский двор вступился за них? Да они даже слова в защиту не проронили!

Разрываясь между внутренними распрями и внешними угрозами, старый треант Бру едва справлялся с навалившимися бедами. В конце концов, отчаявшись удержать рубежи, он принял тяжелое решение — наглухо запечатал несколько городов, среди которых оказался и Город Сосновой Хвои.

Двадцать долгих лет сложенная из исполинских валунов цитадель тонула в удушающих объятиях дикой растительности. В эти заброшенные края не совались не то что люди — даже дикие звери обходили мертвый город стороной, страшась угодить в цепкие силки кровожадных хищных лиан, для которых любая плоть служила лишь питательным перекусом.

Но сегодня к безмолвным стенам потянулась вереница из двух десятков повозок и телег, запряженных гигантскими быками и лошадьми. Возглавляли колонну два новорожденных треанта. На подводах сидели крестьяне, которых сумел собрать старик Джеффри: жители его родной деревни и соседних хуторов — всего пятьдесят три двора, без малого триста душ, от мала до велика.

Шагах в десяти от массивных ворот гигантские быки и клячи дружно встали как вкопанные, наотрез отказавшись сделать хотя бы шаг вперед.

Джеффри прекрасно понимал, в чем дело, и, зная повадки пугливой скотины, зычно крикнул, призывая людей к спокойствию:

— Без паники! Не суетитесь, ждите, пока в дело вступят наши треанты.

Легкий ропот утих, и переселенцы послушно замерли на своих местах. Новорожденные треанты двинулись вперед. От их тяжелой, мерной поступи содрогалась земля, потревожив спавшие на крепостных стенах ползучие плети.

Исполинские стебли хищной лозы, усеянные зазубренными листьями, начали зловеще переплетаться, шурша листвой. Под ними гроздьями висели тяжелые перезревшие плоды; некоторые из них, лопаясь от собственной спелости, падали на землю, устилая ее гниющим ковром, отчего в воздухе стоял удушливый, хмельной дух брожения.

Подойдя вплотную к стене, треанты вскинули узловатые ручищи и без лишних церемоний вцепились в самые толстые стебли. Раздался оглушительный скрежет и треск — лоза отчаянно цеплялась за камни, издавая мерзкие, царапающие звуки. Переселенцы, хоть и стояли поодаль, не выдержали этого скрежета и дружно зажали уши руками.

Будь на месте Новорожденных треантов Бру или старый Люк, они наверняка нашли бы способ договориться с растениями и заставили бы их уйти мирно. Но новорожденные треанты не отличались терпением. Они предпочитали решать любые вопросы проверенным, грубым натиском, находя его самым надежным и быстрым.

Обрывки стеблей дождем посыпались на землю. Едкий сок, брызнувший из разрывов, ошпарил уцелевшие побеги лозы. Почувяв силу, превосходящую их собственную, хищные лианы дрогнули и торопливо поползли прочь. С тихим, шуршащим шелестом они сворачивали свои колючие листья и спешно зарывались глубоко в землю.

Минута — и серая каменная кладка предстала во всей своей суровой красе, очищенная от удушливой зелени. Улицы и дома за воротами тоже мгновенно освободились от растительного плена.

Треанты подошли к исполинским воротам и одновременно толкнули тяжелые каменные створки.

С протяжным, надрывным скрипом засов поддался, и створки медленно разошлись в стороны. Потоки яркого солнечного света хлынули на мостовые города, который провел во тьме забвения долгие двадцать лет.

Широкий каменный тракт делил город на две равные половины, уходя со стрелы востока на запад. По обеим сторонам выстроились аккуратные двухэтажные домики с лавками на первых этажах. На многих дверях все еще покачивались вывески — время пощадило их, сохранив краски почти нетронутыми. В кузнице давно остыл горн, и высокий дымоход больше не плевался сажей. Окна пекарни были наглухо заколочены, лишив улицу привычного аромата свежего хлеба. У порога швейной мастерской сиротливо змеилось несколько истлевших портновских лент — безмолвное свидетельство того, в какой панике и спешке прежние хозяева покидали обжитые гнезда.

Сами треанты входить в город не стали. Распахнув ворота, они застыли по обе стороны от проема, словно нерушимые изваяния. Их могучие корни глубоко ушли в землю, а раскидистые кроны сплелись над головой живой аркой. До тех пор, пока молодой лорд не возродит орден рыцарей Снежной Сосны, эти лесные стражи останутся главным щитом здешних земель, охраняя покой замка и вновь оживших поселений.

— Вперед, заходим! — скомандовал Джеффри, направляя повозки в открывшийся зев ворот. — И смотрите за сорванцами, чтобы под колеса не лезли да в развалинах не заплутали!

Шак, Шацю и другие крепкие юноши первыми прыгнули на мостовую. По заранее намеченному плану они побежали во главе колонны, увлекая людей в восточный квартал.

— Там дома лучше всего сохранились! — звонко выкрикивали они. — И колодцев целых целых три штуки!

Превратившись в молодые деревца, юноши могли общаться с городской флорой напрямую, минуя зрение и слух. Растения сами нашептали им, где переселенцам будет уютнее всего пустить новые корни.

Восточный квартал и впрямь встретил людей добротными каменными постройками. Достаточно было просто вынести вековую пыль да прибраться — и можно справлять новоселье.

— Скотину ведите в загоны! Свои узлы заносите в дома. Только без суеты и толкотни, места всем хватит! Как устроитесь — сразу ко мне на перепись. Я составлю списки и отвезу в замок, чтобы лично представить лорду Юнь Фэю, — зычно распоряжался Джеффри.

Старик пользовался среди крестьян непререкаемым авторитетом. Под его твердым руководством хаос переселения быстро уступил место упорядоченной суете. Возникающие то тут, то там споры о том, кому достанется дом получше, улаживались быстро и без обид.

Спустя несколько часов напряженной работы восточный квартал огласился живыми голосами.

Мужчины карабкались на крыши, проверяя прочность черепицы, латали покосившиеся заборы и спешно мастерили тяжелые деревянные крышки для общих колодцев, чтобы уберечь любопытную детвору от беды. Женщины, закатав рукава, вымывали комнаты до блеска, вытряхивали старую мебель и развешивали на просушку чистые простыни и одеяла. Всякий хлам, негодный для дела, сносили в одну кучу: сухие деревяшки шли на растопку печей, а прочий мусор вывозили за черту города и закапывали в оврагах.

Когда первая суматоха улеглась, к Джеффри подошли несколько старейшин. Лица их были хмуры и полны заботы.

— Старик, а как с податями-то быть? — негромко спросил один из них, теребя край видавшей виды жилетки. — Лорд нам и крышу над головой дал, и семена выделил, и инвентарем снабдил... Нешто оброк теперь вчетверо драть начнет?

Они понимали: бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Щедрость молодого правителя казалась им подозрительной, и они заранее готовились к худшему.

— Насчет этого можете спать спокойно, — добродушно усмехнулся Джеффри. — Я лично спрашивал об этом управляющего Бру. Наш лорд повелел: в ближайшие пять лет никаких новых налогов не вводить. А если случится неурожай или иная беда, оброк и вовсе простят.

Когда Джеффри впервые услышал эти слова от старого треанта, он и сам не поверил собственным ушам. Бесплатные дома, тучные наделы, семена, инструменты, да еще и десять отличных коней в придачу — и все это без кабальных долгов? Такое благодущие не укладывалось в голове. Но Бру лишь твердо повторил, что платы не потребуют, а налоги заморозят.

— Вот так-то, — подытожил Джеффри, глядя на онемевших стариков.

Старейшины переглянулись, на их лицах отразилось точь-в-точь то же изумление, что некогда испытал сам Джеффри.

— Ну и ну... Наш господин... — они лишь качали головами, не в силах подобрать слова. Доброта Юнь Фэя казалась им чем-то невероятным, совершенно не вяжущимся с привычным образом надменных и хищных аристократов.

Слух об этой милости мгновенно облетел весь квартал. Люди бросали работу, обсуждая нежданную радость. Но наряду с облегчением в их душах селилась странная робость — слишком уж невероятным казалось такое счастье.

К исходу дня крестьяне вновь собрались у дома Джеффри. С собой они притащили две

огромные корзины домашней колбасы, половину вяленой оленьей туши и с десятков туго набитых мешков с сушеными травами и грибами.

— Отвези это нашему лорду, — попросили они. — Других богатств у нас нет, пускай хоть это примет в знак нашей глубокой благодарности.

Едва рассвело, Джеффри запряг лошадей и направил повозку к замку Снежной Сосны. Вместе с ним ехали пятеро подростков, в чьих жилах пробудилась древняя кровь треантов. Юношам выпала великая честь — стать учениками старого Люка. Если они проявят усердие и докажут свою верность, у них появится шанс войти в возрождаемый рыцарский орден.

Добравшись до крепостных ворот, старик изложил цель своего визита. Старый Люк лично вышел встретить гостей и велел забрать подношения.

— Занятия начинаются прямо сейчас, — прогудел Люк, оглядывая робеющих юношей. — Джеффри, коли у тебя есть время, тоже можешь остаться и послушать.

Для пятисотлетнего треанта старик Джеффри, несмотря на его седые волосы и глубокие морщины, казался лишь забавным молодым побегом, едва пробившимся из земли.

— Премного благодарен за такую честь! — поклонился Джеффри. Упускать столь редкую возможность он не собирался. Поездка обратно в город могла подождать; старик охотно отправился вместе с молодежью в чащу леса треантов, чтобы прикоснуться к древней мудрости.

Все это время Юнь Фэй к гостям так и не вышел — у молодого лорда попросту не оставалось свободной минуты. Письмо от правителя Надро уже улетело к адресату, и высокомерный лорд Владения Акации, Сандрис, гарантированно получит мощнейший щелчок по носу. Как именноотреагирует этот хищник, предсказать было трудно, но к любой вспышке ярости следовало подготовиться заранее. Чтобы превратить свой замок в неприступную твердыню, Юнь Фэй вознамерился как можно скорее разыскать все демонические узоры, скрытые в подземельях.

Поиски продвигались на удивление гладко. Спустившись в сырые, пахнущие вековой пылью глубины, Юнь Фэй шел следом за Бру, который уверенно вел его по запутанным переходам. Вскоре они очутились перед третьим демоническим узором.

Этот демонический узор был высечен прямо на каменных плитах пола, занимая почти всю площадь просторного зала, а его резные края вплотную подступали к стенам. Переплетенные цепи символов цеплялись друг за друга, образуя невероятно сложный, замысловатый рисунок.

— В книгах из замковой библиотеки о таком нет ни слова, — нахмурился Юнь Фэй, тщетно

пытаясь отыскать в памяти хоть какие-то зацепки.

— Это демонический узор преобразования, — глухо пояснил Бру.

— Преобразования? — удивился юноша. — То есть... трансмутация материи или что-то в этом роде?

— Мне доподлинно неизвестно, — честно признался старый треант. — Прежний управляющий лишь рассказывал, что для его активации требуется колоссальное количество магической энергии. Мало кто из прежних владык решался использовать его без крайней нужды.

— А это не опасно? — спросил Юнь Фэй, чувствуя, как в груди разгорается азарт исследователя. Очень уж хотелось опробовать древнюю магию в деле. Если этот демонический узор действительно способен превращать одни вещества в другие, он мог стать невероятным подспорьем.

— Никакой угрозы для вашей жизни демонический узор не несет, — заверил его Бру.

Увидев, каков истинный масштаб магической силы Юнь Фэя, треант ни секунды не сомневался, что юноша справится с древним механизмом. А вот каков будет результат — оставалось лишь гадать.

— Ну, раз опасности нет, тогда начнем.

Юнь Фэй огляделся по сторонам, подобрал увесистый обломок гранита, взвесил его на ладони и решительно шагнул в самый центр демонического узора.

Сделав глубокий вдох, он замер. Поток его внутренней магии бурным ключом забили по венам, мгновенно войдя в резонанс с демоническими узорами. Цепи символов дрогнули и медленно пришли в движение, наливаясь тревожным алым свечением, которое озарило мрачные своды подземелья.

Багровые нити света начали стягиваться к центру, пока не сошлись в два ослепительных луча. Повинуясь инстинктам пробудившейся крови, Юнь Фэй перехватил эти лучи ладонями и бережно направил их мощь на серый кусок гранита.

Магическая энергия вскипела вокруг камня, забурлив, точно ключевая вода в котле. Гранит в руках юноши задрожал с такой силой, что тот был вынужден выпустить его. Камень со стуком упал на плиты, прямо в демонический узор.

Багровое сияние бушевало добрых две минуты, прежде чем начать медленно угасать. Юнь Фэй сделал осторожный шаг назад и принялся всматриваться в полумрак у своих ног.

Камень бесследно исчез.

Вместо него в самом сердце демонического узора лежало нечто бесформенное, мягкое на вид и белоснежное, раздавшееся в размерах раза в три. По комнате тут же поплыл тонкий, дразнящий аромат сладости. Юнь Фэй озадаченно моргнул. Больше всего эта штуковина походила на огромный кусок воздушного маршмеллоу.

Не веря своим глазам, он осторожно отщипнул кусочек. На ощупь — точно оно.

Поколебавшись пару секунд, Юнь Фэй решился и отправил лакомство в рот. Нежная, тающая сладость мгновенно растеклась на языке. Вкус был просто великолепным, но вот на душе у молодого лорда заскребли кошки.

«Это действительно сахар, — растерянно подумал он. — Но ведь я думал о золоте! Что пошло не так?»

Желая разобраться в капризах демонического узора, Юнь Фэй принялся стаскивать в залу все, что попадалось под руку. Он проводил эксперимент за экспериментом, но результат оставался неизменным.

Обычный булыжник — сахар.

Узловатая деревяшка — сахар.

Обрывок холстины — сахар.

Медный подсвечник — сахар.

Даже восковая свеча — и та обратилась в сахар!

Что бы он ни бросал в прожорливый зев демонического узора, едва гасло сияние, на полу неизменно оказывались сладости. Менялся лишь их вид: то был белый сахар, то леденцы, то воздушный зефир, то нежная нуга или тягучий мармелад. Гора разномастных лакомств росла на глазах, а вместе с ней росло и недоумение молодого лорда.

Вглядываясь в эту гору кондитерского безумия, Юнь Фэй всерьез усомнился в собственном здравомыслии.

«Неужели дело в самом узоре, или я где-то допустил ошибку? — тоскливо размышлял он. — Неужели мне суждено вести войну с конфетами до скончания веков?»

<http://bllate.org/book/18992/1919131>